

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 327.5

Внутренние вооруженные конфликты в странах Северо-Восточной Евразии в начале XXI в.: трансформация и перспективы завершения

А. Г. Большаков

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия Федерация, 420008, Казань, улица Кремлевская, 18

Для цитирования: *Большаков А. Г.* Внутренние вооруженные конфликты в странах Северо-Восточной Евразии в начале XXI в.: трансформация и перспективы завершения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 131–144. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.111>

В статье исследуются внутренние вооруженные конфликты на постсоветском пространстве. Они порождены постсоциалистическим обществом, а главной причиной их происхождения и развития стал этнический национализм. Постсоветское пространство в значительной степени было переструктурировано благодаря восьми внутренним вооруженным конфликтам, результатами которых стали во многих постсоветских странах человеческие жертвы, потоки беженцев и перемещенных лиц, большие материальные потери и затраты на их возмещение. К настоящему времени большая часть этих конфликтов урегулирована, два конфликта — в Нагорном Карабахе и Приднестровье — остаются «замороженными». Однако приблизительно с 2008 г. (с «пятидневной войны» России и Грузии) начинается новый этап в развитии внутренних вооруженных конфликтов. Произошло несколько их рецидивов (в Карабахе, Киргизии), и возник новый внутренний вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины. Интересно, что Крым, который характеризовался повышенной конфликтностью разного толка, сумел изменить свой статус исключительно мирным путем. Постсоветское пространство к настоящему времени фактически ушло в прошлое. Оно распалось на несколько географических регионов. Условно все эти регионы можно назвать Северо-Восточной Евразией. В настоящее время движущей силой внутренних вооруженных конфликтов являются соображения геополитики и национальные интересы мировых и региональных держав, международных организаций, политических сетей. Центральным среди современных внутренних вооруженных конфликтов Северо-Восточной Евразии является столкновение на Юго-Востоке Украины, которое вписано в более широкий украинский кризис. Геополитические угрозы, разнообразные формы гибридной войны, поставки оружия

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

сторонам конфликта на Юго-Востоке Украины — все это делает ситуацию взрывоопасной для всей системы международных отношений. Автором статьи разработаны три сценария развития и возможного завершения внутреннего вооруженного конфликта на Донбассе в контексте существующего украинского кризиса. «Негативный», «позитивный» и «нейтральный» сценарии выстроены в зависимости от национальных интересов России, хотя в реальности будет осуществляться смешанный сценарий.

Ключевые слова: внутренний вооруженный конфликт, постсоветское пространство, Северо-Восточная Евразия, геополитика, украинский кризис, сценарии развития внутреннего вооруженного конфликта.

Мировая научная традиция рассмотрения вооруженных конфликтов подразумевает их разделение на внутренние и межгосударственные. В России они рассматриваются в рамках теории конфликтов, политической конфликтологии, различных моделей и концептов национальной безопасности.

Кроме того, по отношению к ряду государств понятие «внутренний вооруженный конфликт» оказывается относительным: на практике конфликты в ряде случаев постепенно интернационализируются и в этом плане могут трактоваться на определенных этапах своего развития уже как «межгосударственные». Такая ситуация характерна для ряда европейских, азиатских, африканских, латиноамериканских конфликтов, которые изначально могли быть интерпретированы как внутренние вооруженные столкновения.

Методологическая рамка исследования внутренних вооруженных конфликтов в конфликтологии

Перспективной методологией исследования внутренних вооруженных конфликтов является, на мой взгляд, симбиоз неоинституционализма и теории конфликта. Неоинституционализм рассматривает конфликт как феномен или явление, поддающееся институционализации. Институты определяют «правила игры», по которым развивается конфликт, причем трактуются они, в отличие от «старого» институционализма, как совокупность норм и сопутствующих им учреждений и организаций. Подобная комбинация открывает перед конфликтологами большие возможности в изучении процессов институционализации конфликтов, изменения норм, определяющих противоборства в жизни социума.

В современной теории утвердилось понимание того, что конфликт — позитивное явление, его, как правило, даже необходимо инициировать для нахождения альтернативных управленческих решений [1, с. 14–29, 549–553]. Однако позитивностью обладают лишь те конфликты, которые институционализированы и приводят к широко понимаемым плюралистическим изменениям. Вооруженный характер конфликта, появление жертв и беженцев однозначно могут быть признаны негативными характеристиками конфликта. Но в плане развития даже вооруженный конфликт способен впоследствии стимулировать отход от силовых практик и способствовать достижению согласия по базовым ценностям.

Симбиоз вышеобозначенных методологических подходов продуктивен, если в качестве основного метода в исследовании внутренних вооруженных конфликтов используется компаративный анализ. Он позволяет выявить общее и особенное в конкретных конфликтах, определить специфику подобных противоборств.

Тенденции развития современных исследований конфликта и мира в конфликтологии однозначно направлены в сторону универсализации. Внутренние и внешние вооруженные конфликты становятся целостным предметом анализа. Такой процесс усложняет существующие методологии анализа, порождает новые оригинальные концепты, систематизирует большой объем разрозненного эмпирического материала по изучению конкретных конфликтов.

Предтечей современных внутренних вооруженных конфликтов в Северо-Восточной Евразии явились аналогичные противоборства на постсоветском пространстве. Они возникли при распаде Советского Союза, сравнимы по большинству показателей с конфликтами в странах Центральной и Восточной Европы, уступают по масштабам насилия и жестокости конфликтам в Африке и обладают рядом характеристик, которые будут рассмотрены в данной статье.

К постсоветским внутренним вооруженным конфликтам относят карабахский, приднестровский, осетино-ингушский, грузино-абхазский и грузино-осетинский, киргизо-узбекские конфликты, гражданскую войну в Таджикистане, чеченский кризис. Все эти противоборства различаются между собой конкретными характеристиками, но относятся к одному типу внутренних вооруженных конфликтов, включающему различную по длительности вооруженную стадию [2, с. 79–286].

Определяя две последние ситуации как «войну» и «кризис», мы исходим из того, что они являются разновидностями внутренних вооруженных конфликтов и отличаются от них интенсивностью боевых действий или масштабами влияния на социально-экономические и политические процессы. Все внутренние вооруженные конфликты на постсоветском пространстве связаны с такими явлениями, как самоопределение и сепаратизм. Пожалуй, только гражданская война в Таджикистане выходит за общие рамки, поскольку на первом плане в данном случае мы видим кланово-политическое противостояние с большим влиянием религиозного фактора [3].

Для постсоветских государств характерно множество внутренних конфликтов с несистематическими элементами насилия, политико-правовым и культурным сепаратизмом, но все они не являются вооруженными. К ним относятся ситуации в Крыму, Аджарии, Гагаузии, Татарии, Башкирии, Якутии. Так, в постсоветский период Крым был постоянным предметом спора между Российской Федерацией и Украиной, однако сепаратистские настроения большинства жителей данной территории накладывались на противоречия между властями и населением полуострова, русскоязычным большинством и крымскими татарами, незаконный захват группами граждан плодородных земель и т. п. Насилие здесь имело ограниченный характер и не переходило те границы, за которыми начинается вооруженное противостояние.

Внутренние вооруженные конфликты на постсоветском пространстве

Специфика ситуации, сложившейся на постсоветском пространстве, заключалась: в большом количестве одновременно протекающих конфликтов насильственного толка; в системном характере насильственных конфликтов в этно-религиозной сфере; в «замораживании», а не урегулировании многих подобных противоборств; в посредничестве Российской Федерации в большинстве данных

конфликтов; в образовании целого ряда новых признанных и непризнанных государств; в противостоянии великих держав и других акторов мировой политики на основе конкуренции национальных интересов [4, с. 267–292, 409–434]. Перспективы двух оставшихся «замороженных конфликтов» (приднестровского и карабахского) на ближайшие годы ясны. Для всех участвующих в них посредников эти противоборства выгодны в нынешнем «замороженном» состоянии.

Для Абхазии и Южной Осетии наиболее перспективными выглядят варианты вхождения в состав Российской Федерации через определенный промежуток времени. Технология завершения конфликта, которая использовалась в данном случае, — доведение ситуации противоборства до вооруженного столкновения (Грузии и Южной Осетии), военная победа посредника (России) над одной из сторон конфликта (Грузией), признание Россией в одностороннем порядке двух территорий в качестве независимых государств и увеличение своего военного присутствия на Южном Кавказе. Подобные варианты разрешения ситуаций могут быть отнесены к нестабильному урегулированию [5, с. 288–309]. Поэтому модель завершения «замороженных» внутренних вооруженных конфликтов включает три основных варианта развития событий: «стабильное урегулирование», «нестабильное урегулирование», «незавершенность».

Основными результатами внутренних вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве являются более ста тысяч человеческих жертв, миллионы беженцев и временно перемещенных лиц, территориальные изменения, материальные разрушения, экономический кризис. В ходе этих конфликтов образовался целый ряд новых признанных и непризнанных международным сообществом государств, часть из которых может быть отнесена к несостоявшимся государствам (failed states) [6].

Трансформация внутренних вооруженных конфликтов в начале XXI в.: от постсоветского пространства к Северо-Восточной Евразии

В настоящее время в развитии внутренних вооруженных конфликтов наступил качественно иной этап, который связан переформатированием понимания евразийского пространства и его регионов. Термин «Северо-Восточная Евразия» отражает современные реалии и позволяет более точно в политико-географическом плане описывать и анализировать ситуацию, которая складывается на бывшем постсоветском пространстве [7, с. 203–206].

Здесь наиболее динамично развивающимися структурами являются в настоящее время Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Россия играет в них основную или значительную роль, но реализовать свои интересы она может только в диалоге с международными организациями и ведущими западными и восточными странами.

Долгое время считалось, что внутренние вооруженные конфликты являются системной характеристикой для постсоветских стран, а их полное завершение будет означать окончание эпохи постсоциализма, исчерпание тех причин, которые способствовали их появлению на данном пространстве в определенный временной

период. Однако после «пятидневной войны» России и Грузии в 2008 г. стало ясно, что эпоха постсоциализма уходит в прошлое, а этнические вооруженные конфликты приобрели другие функции, модифицировались, могут возникать по иным причинам, чем раньше, но продолжают существовать и влиять на развитие Северо-Восточной Евразии [8].

Роль внутренних вооруженных конфликтов в Северо-Восточной Евразии изменилась. В 90-е годы XX в. данные конфликты были фактором нестабильности и угрозой для национальной и региональной безопасности, причиной и способом распада ряда стран. Сегодня внутренние вооруженные конфликты — это прежде всего фактор геополитического противостояния ведущих государств мира и региона, которые занимают в большинстве случаев прямо противоположные позиции по отношению к сторонам того или иного конфликта.

Если «пятидневная война» России и Грузии была первой демонстрацией изменившегося соотношения сил на постсоветском пространстве, то современный украинский кризис только укрепил позиции России как страны, которая стоит над внутриукраинским противостоянием, является актором равноправного диалога с Западом и подтверждает свое доминирующее влияние на большей части постсоветского пространства.

Наиболее важно в настоящее время рассмотрение украинского кризиса. Перспективы его урегулирования выглядят пока пессимистично. «Замораживание» конфликта в чистом виде невозможно, поскольку отсутствует доминирующий посредник. Введение миротворцев ООН приветствуется всеми участниками и посредниками конфликта, но не решены проблемы места дислокации и функциональных задач миротворческого контингента.

Вооруженные конфликты на постсоветском пространстве развивались в предшествующие десятилетия от внутренних к международным [9, с. 17–25]. Постепенная интернационализация конфликтов была их важнейшей характеристикой. Пожалуй, это не коснулось только осетино-ингушского противостояния. Конфликтные ситуации первой четверти XXI в. продемонстрировали, что вооруженные конфликты имели не только внутренние причины, их развитию во многом способствовало геополитическое противостояние между Россией и Западом, которое сегодня перешло в стадию политической конфронтации, экономических санкций, постоянной информационной войны.

Сегодня все восемь внутренних вооруженных конфликтов, существующих с постсоветского периода, значительно трансформировали свое содержание и формы протекания и вместе с кризисом на Юго-Востоке Украины перешли к следующему этапу своей эволюции. Они утратили характеристику системной черты социополитического процесса Северо-Восточной Евразии, но по-прежнему оказывают на него значительное воздействие. Своеобразной границей между первым и вторым этапами стала «пятидневная война» России и Грузии в августе 2008 г., когда Российское государство было вынуждено поддержать собственных миротворцев и вступить в конфликт на стороне Южной Осетии после агрессии Грузии против этой непризнанной республики.

Несмотря на открытую поддержку Грузии со стороны США и стран Европейского союза, Россия смогла одержать военную победу в этом конфликте, обеспечить освобождение Южной Осетии и Абхазии от грузинских войск, разместить там

свои военные базы и объявить о признании двух данных территорий в качестве независимых государств. Это значительно изменило баланс сил в Закавказье и впоследствии способствовало возможности создать альтернативу западной политике на всем Ближнем Востоке в рамках объединения трех государств: Российской Федерации, Ирана, Турции [10].

Неоднозначная ситуация сложилась в информационной войне России и Запада, которая сопровождала данный конфликт. Пропагандистские усилия России были заметны на территории русскоязычного пространства стран СНГ, но так и не вышли за его пределы. Все англоязычные СМИ, принадлежащие преимущественно западным странам, действовали в антироссийской тональности и трудились над тем, чтобы признать именно российскую сторону агрессором в конфликте против Грузии.

После этих событий Россия всерьез задумалась о создании своих аналитических центров и СМИ на территории западных стран, покупке активов в ведущих печатных и электронных изданиях и т. п. Необходимо было если не изменить мнение западного обывателя, то, во всяком случае, создать российскую англоязычную альтернативу западным СМИ, чтобы российская точка зрения была доступна представителям западного общества. С 2008 г. Россия стала активнее защищать свои законные национальные интересы в дружественных государствах Ближнего Востока и Северо-Восточной Евразии не только военными и экономическими, но и медийными средствами [11, с. 68–74].

В июне 2010 г. произошел рецидив конфликта в Киргизии. Беспорядки на юге Киргизии, в населенном преимущественно этническими узбеками городе Ош, были во многом повтором межэтнических столкновений между киргизами и узбеками 1990 г. в Советском Союзе.

Данный внутренний вооруженный конфликт скорее был воспроизводством старых противоречий в новых условиях, которые привели к столкновению в ходе смены власти в Киргизии в результате очередной цветной революции. Использовать на практике потенциал ОДКБ в этом конфликте так и не удалось, поскольку российское руководство решило, что границы Киргизии (государства — члена ОДКБ) нарушены не были. В результате конфликт был погашен армейскими и полицейскими подразделениями Киргизии, а количество жертв по разным оценкам колебалось от 400 до 2000 чел. разных национальностей. Некоторые эксперты полагали, что быстрому окончанию конфликта способствовало неучастие в нем регулярных военных из ОДКБ и армии Узбекистана [12, с. 77–79].

Несмотря на наличие в этом конфликте новых факторов — «цветная революция», слабость власти в Киргизии, возможное участие в конфликте регулярных армий, — его движущей силой оставались этнический национализм и перенаселенность в сельской местности данной республики.

Рецидив силовой стадии был характерен и для внутреннего вооруженного конфликта в Карабахе, начало которого датируют 1–5 апреля 2016 г., но боестолкновения продлились не более трех с половиной дней.

Данный внутренний вооруженный конфликт отличался широким масштабом боевых действий регулярных воинских формирований Азербайджана, Армении, Армии обороны Нагорного Карабаха. Стратегического успеха не смогла достигнуть ни одна сторона конфликта, хотя известно, что Армения потеряла незначи-

тельную часть территории в зоне конфликта, а количество жертв с разных сторон достигало несколько десятков человек.

Подобное обострение конфликта можно считать несостоявшейся попыткой его силового решения, которая была предпринята Азербайджаном, поскольку именно эта страна считает, что потеряла значительную часть территории в ходе внутреннего вооруженного конфликта, начавшегося еще в 1988 г. в СССР [13, с. 37–40]. Переговорный процесс не давал результатов к моменту обострения конфликта уже 22 года, поэтому силовое решение конфликта представлялось для части элит Азербайджана и Армении возможным. Однако массированное наступление азербайджанских войск не удалось, и все стороны конфликта были вынуждены согласиться на быстрое перемирие.

После окончания вооруженной фазы конфликта в 2016 г. стало известно, что армянские военные «прозевали» концентрацию войск азербайджанской армии, а азербайджанская армия не была готова к длительным сражениям и фактически помогала своей операцией стабилизации политического режима в стране, которая переживала в это время острый экономический кризис, как и другие государства СНГ.

Противостояние вокруг Нагорного Карабаха поддерживается скорее геополитическим соперничеством России, США, Европейского союза, Турции, Ирана, которое проявляется после 1994 г. в виде гибридной войны в этом регионе Евразии. Патовая ситуация устраивает пока всех, но можно рассматривать возобновление вооруженного столкновения в апреле 2016 г. как желание западных стран вытеснить из зоны конфликта Россию, для которой важны и Азербайджан, и Армения, и возможность осуществлять мирный переговорный процесс между всеми участниками конфликта [14].

В марте 2014 г. произошло событие, которое во многом определяет содержание международных отношений всего последующего периода. В значительной степени оно повлияло и на всю Северо-Восточную Евразию. В результате референдума в Крыму его жители выразили желание о вхождении Крыма в состав Российской Федерации. Несмотря на государственный переворот в столице Украины Киеве и значительное повышение уровня конфликтности на всей территории этого государства, присоединение Крыма к России произошло без внутреннего вооруженного конфликта и выраженного насилия. Более того, перспективы этой территории ясны и в ближайшие годы она будет получать значительные суммы ассигнований из российского бюджета [15].

Ситуация на других территориях украинского государства была не столь однозначной из-за гражданского конфликта и легального действия ряда экстремистских украинских организаций националистического толка. В результате на территории Юго-Востока Украины возник новый и, по всей видимости, затяжной внутренний вооруженный конфликт, который получил в ряде источников название кризиса и продолжается с 2014 по настоящее время [16, с. 209–212].

Данный внутренний вооруженный конфликт является самым крупным за последнее время по охвату территорий, числу жертв, беженцев и перемещенных лиц. Его трудно назвать «замороженным» конфликтом, поскольку роль миротворцев в нем на данный момент не слишком велика. Роль посреднической силы в конфликте играет ОБСЕ, действующая в зоне конфликта согласно Минским соглашениям

(в рамках которых Германией, Францией, Россией и Украиной было подписано два основных документа) [17].

Отечественная дипломатия настаивает на том, что Российская Федерация не является участником конфликта и выражает свою заинтересованность в урегулировании конфликта в рамках федерализации Юго-Востока Украины. Для образовавшихся в конфликте непризнанных республик ДНР и ЛНР Россия требует статус автономии. Однако понимание этого статуса различно. Украина готова вести переговоры с автономиями, но только не с «террористическими образованиями ДНР и ЛНР». Большую роль все стороны и посредники в конфликте возлагают на ООН, которая пока еще не может осуществлять миротворческую деятельность.

При этом Россия уверена, что за Украиной стоят США, а потому в посредничестве Германии и Франции нет особого смысла, а на Украине уверены, что в ДНР и ЛНР введены регулярные российские войска и именно они не позволяют украинской армии победно закончить данный конфликт. Противостояние России и Украины создает фон для геополитических столкновений российского государства и Запада. Именно они во многом определяют ход данного внутреннего вооруженного конфликта [18, с. 261].

Все эти украинские события, противостояние Российской Федерации и Запада, гибридная война российского государства в Сирии и на Украине, санкции и противодействие им стали основой современных международных отношений и мировой политики.

Сценарии развития и возможности завершения внутреннего вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины

Внутренний вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины очень быстро превратился в масштабный кризис, который стал серьезным вызовом для всей европейской безопасности, сравнимым с системными вооруженными конфликтами на Балканах и постсоветском пространстве в недавнем прошлом. Противостояние украинских силовиков и добровольцев из России и мятежных республик ДНР и ЛНР является только частью более широкого кризиса, включающего формирование новой национальной идентичности Украины, российско-украинскую информационную войну из-за Крыма и юго-восточных областей Украины, столкновение России, США и Европейского союза, что обусловило выход на глобальный уровень первоначально внутрисоюзного конфликта.

Современный украинский кризис с внутренним вооруженным конфликтом на Юго-Востоке означают завершение неудачного процесса интеграции России в общество западных стран и попытки преодолеть имеющиеся противоречия и разногласия. Им на смену пришла открытая конфронтация, которая предполагает жесткое отстаивание собственных социально-экономических и геополитических интересов, включая военное вмешательство в дела других стран [19].

С 2014 г. Украина перестала балансировать между Западом и Россией и трансформировала вектор своей политики на евроатлантический курс. Одновременно был очень быстро изменен и проект украинской национальной государственности, который стал развиваться на идее новой политической идентичности, отмене русского языка, позднее — на расколе православной церкви, что способствовало

возникновению противоречий на Юго-Востоке Украины с последующей сменой юрисдикции полуострова и вооруженным конфликтом в Донбассе [20]. К концу 2018 г. украинский кризис имел несколько измерений: глобальные противоречия в отношениях между Западом и Россией; российско-украинские противоречия и серьезные региональные различия на Украине; внутренний вооруженный конфликт в Донбассе.

Исходя из этого, мы предлагаем несколько возможных сценариев дальнейшего развития событий: «негативный», «нейтральный», «позитивный». Поскольку в развитии кризиса на Юго-Востоке Украины уже не раз проявлялись непредвиденные обстоятельства, приобретавшие серьезное политическое значение (например, раскол украинской православной церкви, поддержанный патриархатом Константинополя), следует иметь в виду, что и в будущем подобного рода события могут сыграть значительную роль.

Геополитический контекст внутреннего вооруженного конфликта на Украине может способствовать или не способствовать реализации того или иного сценария развития и завершения внутреннего вооруженного конфликта. Необходимо отметить, что вступление конфликта в стадию «замороженности» теперь будет означать не слабость Российской Федерации, а паритет ее сил с Западом в регионе Северо-Восточной Евразии [21, с. 98].

В любом из представленных ниже сценариев будет присутствовать фактор введения / невведения миротворческого контингента ООН. Одобряют введение контингента все, но все понимают функции «голубых касок» по-разному [22, р. 998].

Понятно, что сценарии развития и завершения конфликта могут сильно измениться. Теперь России уже вряд ли придется иметь дело с бюрократическим государством «для всех» на Украине, оно трансформировалось в унитарную, унифицированную политику, которая подвержена внешнему управлению и действует часто в интересах националистических экстремистских групп [23, р. 132–133].

На каждый из сценариев будут действовать многочисленные ситуационные факторы. Например, 2019 г. на Украине будет проходить под знаком избирательной кампании по выборам президента. Поэтому многие аналитики говорят о том, что П. Порошенко пытается в настоящее время сплотить вокруг себя националистический электорат, для которого экономическое положение в стране менее значимо, чем антироссийские действия и риторика действующего президента [24].

Итак, *первый сценарий*, получивший название *негативного*, предполагает, что новая волна украинизации, которая подразумевает борьбу против сторонников московского патриархата РПЦ, широкое культивирование украинского языка за пределами официального документооборота, различные запреты на использование русского языка в сфере образования, культуры, бытового общения. Все это приводит к значительному росту конфликтности.

Данный сценарий предполагает отказ Украины от представления реальной автономии Донбассу и Луганской области, постоянную модернизацию национальной армии и полиции и попытки решения внутреннего вооруженного конфликта силовым способом. Миротворцы ООН так и не допускаются в зону конфликта, а потому выполнить своих функций не могут.

Для этого сценария характерна относительно пассивная позиция России в помощи ДНР и ЛНР, за исключением ее гуманитарной компоненты и поставок оружия

добровольцам. Это еще больше увеличит масштабы бедствий мирного населения, живущего в экономической блокаде и постоянном страхе перед возобновлением боевых действий; Беженцы не смогут вернуться, объекты народного хозяйства не будут восстановлены, вопросы занятости населения останутся нерешенными. Количество жертв конфликта и перемещенных лиц будет только возрастать.

Контекстом такого сценария выступает усиливающаяся конфронтация между Россией и Западом (экономические санкции, информационная война, военные и политические угрозы и др.).

Второй сценарий получил название *позитивного*. Он во многом противоположен предыдущему. Данный сценарий предполагает, что Россия начинает договариваться с Западом по ряду проблем (региональная безопасность, снятие отдельных санкций и др.). К власти на Украине приходят умеренные политики, которые вынуждены проводить курс на федерализацию, развитие не только украинского языка, но и языков национальных меньшинств. Украина возвращается к нейтральному статусу и не желает участвовать ни в одном военном блоке.

Миротворческий контингент ООН в рамках такого сценария успешно выполняет свои функции, вооруженная стадия конфликта прекращается, армия и полиция Украины начинают исполнять свои прямые обязанности, а не участвовать в гражданском конфликте. Мандат ООН позволяет миротворцам обеспечить безопасность жителей Донбасса и Луганской области. Структуры ДНР и ЛНР постепенно демонтируются и передают властные рычаги местным автономным органам управления, избранным согласно украинскому законодательству. Восстановление разрушенного народного хозяйства осуществляется на деньги, выделенные Украиной, западными странами, Россией. Значительная часть трудоспособных беженцев и перемещенных лиц возвращается на покинутые ими ранее места проживания.

Украинские территории получают права субъектов федерации, решают вопросы местных языков, развития культур, управления на местах. Украина существует в границах, которые не включают Крым, но предполагают наличие всех остальных территорий.

Третий сценарий может быть назван *нейтральным*. Он предполагает распад Украинского государства на несколько частей (условно: юго-восточную, западную, центральную). Донбасс, Луганская область и еще несколько значимых территорий Юго-Востока Украины отходят к Российской Федерации. О намерении вступить в состав России объявляет Приднестровье.

Постконфликтное восстановление на данных территориях осуществляют Россия и ее регионы. Экономика страны находится в напряженном состоянии, средств на быстрое восстановление значительных территорий, населенных миллионами людей, не хватает. Экономическую помощь России оказывают страны Юго-Восточной Азии. Западные страны усиливают антироссийские санкции и пытаются оказать экономическую, военную и гуманитарную помощь сегментам бывшего Украинского государства.

Внутренний вооруженный конфликт в Донбассе прекращается, однако возникают новые конфликты по линиям распада прежде единого государства. Новые «государства» воюют между собой, но все эти конфликты характеризуются малой интенсивностью. Происходит дестабилизация всей системы европейской безопасности. Россия так и не может договориться с Западом и другими территориями

бывшей Украины, она устанавливает новую государственную границу и берет под охрану ряд территорий, которые приняли решения о вхождении в ее состав.

Критерием оценки позитивности, негативности или нейтральности развития внутреннего вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины и всего украинского кризиса являются национальные интересы Российской Федерации. Самым нереалистичным является для России «нейтральный сценарий», который ей самой выгоден лишь отчасти, поскольку предполагает большие территориальные и людские приобретения, спасение русскоязычных соотечественников, но одновременно и распад единой Украины, новые конфликты, невозможность хотя бы номинального диалога с Западом — все это способно разрушить всю систему европейской безопасности; к тому же восстановление разрушенного народного хозяйства и постоянное участие в конфликтах может быть не под силу относительно слабой российской экономике, что скажется на умонастроениях ее граждан.

«Негативный сценарий» как раз может быть наиболее реалистичным для современной ситуации развития внутреннего вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины, но выгоды в нем для России возможны только в тактическом, сиюминутном плане. Безусловно, «позитивный сценарий» является наилучшим с точки зрения интересов России, но реализация этого сценария развития украинского кризиса представляется наименее вероятной в ближайшие годы. Поскольку каждый сценарий — это лишь один из идеальных типов аналитического конструирования ситуации, на практике мы увидим их значительное пересечение. Реальная ситуация будет развиваться комбинированным способом и даст нам массу возможностей для последующего анализа и прогнозов.

Для регулирования внутренних вооруженных конфликтов в Северо-Восточной Евразии необходимо наличие единой системы правил, которая будет закреплена с помощью правовых норм. Поэтому альтернативы системе международного права быть не может. Однако нормы его противоречивы и включают одновременно принципы территориальной целостности государств и возможность самоопределения народов.

Следовательно, единственным выходом из создавшегося положения является политическое соглашение России, США, Европейского союза и, возможно, Китая о моратории на признание новых национальных государств в регионе Северо-Восточной Евразии в рамках внутренних вооруженных конфликтов.

Конечно, в настоящее время Россия достаточно сильна, чтобы не только «замораживать» вновь возникающие и возобновляющиеся внутренние вооруженные конфликты, но и урегулировать их разными способами. Россия способна это делать самостоятельно или в рамках структур и механизмов ОДКБ. Но в данном случае речь идет только о тех внутренних вооруженных конфликтах, где посредником выступает не только Российская Федерация, но и европейские страны, США. В этом плане показательным является внутренний вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины, где российская дипломатия требует федерализации Украины и реальной автономии для мятежных пророссийских территорий.

Литература

1. Шейнов В. П. Управление конфликтами. СПб.: Питер, 2014. 576 с.
2. Блищенко В. И., Солнцева М. М. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве: научное издание. М.: Аспект Пресс, 2014. 304 с.
3. Бобохонов Р. С. Гражданская война в Таджикистане (1992–1997 годы): причины, ход, последствия и уроки // *Общественные науки и современность*. 2011. № 4. С. 74–83.
4. Большаков А. Г. Этнические вооруженные конфликты в посткоммунистических государствах европейской периферии. Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. 466 с.
5. Цыганок А. Д. Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. 2-е изд., доп. М.: АИРО-XXI, 2011. 352 с.
6. Хуторская В. В. Несостоявшиеся» государства — угроза международной безопасности? // *Право и управление*. XXI век. 2012. № 2 (23). С. 98–102.
7. Никитин А. И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М.: Издательская группа Navona, 2009. 232 с.
8. *Вооруженный конфликт в Южной Осетии и его последствия*. М.: Красная звезда, 2009. 160 с.
9. Ковальчук А. Постсоветское пространство в российских внешнеполитических концепциях: научное издание. М.: Аспект Пресс, 2015. 176 с.
10. Латухина К. Саммит миротворцев: Лидеры России, Турции и Ирана обсудили ситуацию в Сирии // *Российская газета*. 2018. № 7534 (71), 4 апреля.
11. Казанин М. В. Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2017. 276 с.
12. Богатырев К. А. Межэтнический конфликт в Кыргызстане // *Политика и общество*. 2010. № 9 (75). С. 73–81.
13. Маммадов И. М., Мусаев Т. М. Армяно-азербайджанский конфликт: история, право, посредничество. 2-е изд. Тула: Гриф и К, 2007. 192 с.
14. Сажнева Е. Политические тайны Нагорного Карабаха // *Русское агентство новостей*. 2016. 6 апреля. URL: <http://новости-мира.ru-an.info> (дата обращения: 30.01.2019).
15. Глушко Ю. В. Основные направления интеграции Республики Крым в государственную и экономическую систему Российской Федерации // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление*. Т. 2 (68). 2016. № 3. С. 37–43.
16. *Украина: проблемы территориально-государственного развития*: коллективная монография / под ред. С. С. Жильцова. М.: Издательство ВКН, 2015. 224 с.
17. Салин П. Б. Договоренности, которых не было // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2015. № 2 (18). С. 76–81.
18. Шевцов Ю. В. Война на Украине: Трансформация Европы. М.: РГГУ, 2018. 288 с.
19. Лапкин В. В. Конфликтность стратегий развития в современном мире: природа, причины, последствия // *Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России*. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 17–27.
20. Рябов А. В. Основные политические конфликты и тенденции политического развития на постсоветском пространстве: современное состояние и перспективы // *Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России*. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 90–100.
21. Беззубко Л. В., Беззубко Б. И. Предпосылки и последствия военного конфликта на Донбассе // *Основы экономики, управления и права*. 2014. № 4 (16). С. 9–13.
22. Forster T. International humanitarian law's old questions and new Perspectives: On what law has got to do with armed conflict // *International Review of the Red Cross*. 2017. Vol. 98, iss. 903. P. 995–1017.
23. Svarin D. The construction of “geopolitical spaces” in Russian foreign policy discourse before and after the Ukraine crisis // *Journal of Eurasian Studies*. 2016. Vol. 7, iss. 2. P. 129–140.
24. Абрамова Е. Н., Аникини В. И., Сурма И. В. Генезис украинского национализма и его влияние на российско-украинские отношения // *Национальная безопасность / nota bene*. 2016. № 6. С. 699–710.

Статья поступила в редакцию 13 июня 2018 г.;
рекомендована в печать 3 октября 2018 г.

Контактная информация:

Большаков Андрей Георгиевич — д-р полит. наук, доц.; bolshakov_andrei@mail.ru

Internal armed conflict in North-Eastern Eurasia in the early 21st century: transformation and prospects for ending the conflict

A. G. Bolshakov

Kazan (Volga region) Federal University,
18, Kremlyovskaya ul., Kazan, 420008, Russian Federation

For citation: Bolshakov A. G. Internal armed conflict in North-Eastern Eurasia in the early 21st century: transformation and prospects for ending the conflict. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 1, pp. 131–144. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.111> (In Russian)

This article examines the Internal Armed Conflicts that have emerged in the Post-Soviet space. They were the product of Post-Socialist Society, and Ethnic Nationalism was the main reason for their origin and development. As a result, the Post-Soviet Space has largely restructured thanks to eight Internal Armed Conflicts, which brought many Post-Soviet countries and peoples enormous human losses, flows of refugees and displaced persons, great material losses and the cost of their recovery. To date, most of these Conflicts have been Resolved, and the two Conflicts in Nagorno-Karabakh and Transnistria remain frozen. However, approximately since 2008 (the “five-day war” between Russia and Georgia), a New Stage in the development of Internal Armed Conflicts has begun. There have been several recurrences with Internal Armed Conflicts (in Karabakh, Kyrgyzstan) and a new Internal Armed Conflict in the South-East of Ukraine. It is interesting that the Crimea, which was characterized by an increased conflict of different kinds, managed to change its status exclusively peacefully. The Post-Soviet Space is now virtually a thing of the Past. It was divided into several small geographical regions. Conventionally, all these regions can be called North-Eastern Eurasia. At present, Ethnic Nationalism is no longer the dominant factor in Internal Armed Conflicts, it is driven primarily by Geopolitical considerations and National Interests of World and Regional powers, International Organizations and Political Networks. Central among the modern Internal Armed Conflicts of North-Eastern Eurasia is the clash in the South-East of Ukraine, which is inscribed in the wider Ukrainian crisis and demonstrates the constant confrontation between the United States and the European Union with Russia or Ukraine and the Russian Federation. Geopolitical and Geo-Economic threats, various forms of Hybrid War, arms supplies to the parties to the conflict in the South-East of Ukraine all make the situation explosive for the entire system of International Relations.

Keywords: internal armed conflict, Post-Soviet Space, North-Eastern Eurasia, geopolitics, Ukrainian crisis, scenarios of internal armed conflict.

References

1. Sheinov, V.P. (2014), *Upravlenie konfliktami* [Conflict management], Piter Publ., St. Petersburg, Russia.
2. Blishchenko, V.I. and Solntseva, M.M. (2014), *Krizisy i konflikty na postsovetском prostranstve: Nauchnoe izdanie* [Crises and conflicts in the post-Soviet space: Scientific publication], Aspekt Press, Moscow, Russia.
3. Bobokhonov, R.C. (2011), “Grazhdanskaia voina v Tadjikistane (1992–1997 gody): prichiny, khod, posledstviia i uroki” [Civil war in Tajikistan (1992–1997): causes, course, consequences and lessons], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 74–83.
4. Bolshakov, A.G. (2009), *Etnicheskie vooruzhennyye konflikty v postkommunisticheskikh gosudarstvakh evropeiskoi periferii* [Ethnic armed conflicts in the post-Communist States of the European periphery], Kazanskii gos. un-t, Kazan, Russia.
5. Tsyganok, A.D. (2011), *Voyna na Kavkaze 2008: russkii vzgliad. Gruzino-osetinskaya voina 8–13 avgusta 2008 goda* [War in the Caucasus 2008: Russian view. Georgian-Ossetian war 8–13 August 2008], 2nd ed., AIRO-XXI Publ., Moscow, Russia.

6. Khutorskaia, V. V. (2012), “Nesostoiavshiesia gosudarstva — ugroza mezhdunarodnoi bezopasnosti?” [Failed States are a threat to international security?], *Pravo i upravlenie. XXI vek*, no. 2 (23), pp. 98–102.
7. Nikitin, A. I. (2009), *Konflikty, terrorizm, mirotvorchestvo* [Conflict, terrorism, peacekeeping], Navona Publ., Moscow, Russia.
8. *Vooruzhennyi konflikt v Iuzhnoi Osetii i ego posledstviia* (2009) [Armed conflict in South Ossetia and its consequences], Krasnaya zvezda Publ., Moscow, Russia.
9. Kovalchuk, A. (2015), *Postsovetskoe prostranstvo v rossiiskikh vneshnepoliticheskikh kontseptsiiakh* [Post-Soviet space in Russian foreign policy concepts], Aspekt Press, Moscow, Russia.
10. Latukhina, K. (2018), “Sammit mirotvortsev: Lidery Rossii, Turtsii i Irana obsudili situatsiiu v Sirii” [The summit of peacekeepers, the leaders of Russia, Turkey, Iran discussed the situation in Syria], *Rossiiskaia gazeta*, no. 7534 (71), April 4.
11. Kazanin, M. V. (2017), *Siriiskii konflikt: otsenki kitaiskikh spetsialistov* [The Syrian conflict: Chinese experts’ assessments], In-t Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
12. Bogatyrev, K. A. (2010), “Mezhetnicheskii konflikt v Kyrgyzstane” [Inter-ethnic conflict in Kyrgyzstan], *Politika i obshchestvo*, no. 9 (75), pp. 73–81.
13. Mammadov, I. M. and Musaev, T. M. (2007), *Armiano-azerbaidzhanskii konflikt: istoriia, pravo, posrednichestvo* [Armenian-Azerbaijani conflict: history, law, mediation], 2nd ed., Grif i K Publ., Tula, Russia.
14. Sazhneva, E. (2016), “Politicheskie tainy Nagornogo Karabakha” [Political secrets of Nagorno Karabakh], *Russkoe agentstvo novosti*. April 4, available at: <http://novosti-mira.ru-an.info> (Accessed 30 January 2019).
15. Glushko, Iu. V. (2016), “Osnovnye napravleniia integratsii Respubliki Krym v gosudarstvennuu i ekonomicheskuiu sistemuu Rossiiskoi Federatsii” [Main directions of integration of the Republic of Crimea into the state and economic system of the Russian Federation], *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. i V.I. Vernadskogo. Economics and Management*, vol. 2 (68), no. 3, pp. 37–43.
16. Zhil'tsov, S. S. (ed.) (2015), *Ukraina: problemy territorial'no-gosudarstvennogo razvitiia: kolektivnaia monografiia* [Ukraine: the problem of territorial and state development: collective monograph], VKN Publ., Moscow, Russia.
17. Salin, P. B. (2015), “Dogovorennosti, kotorykh ne bylo” [Arrangements that did not exist], *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, no. 2 (18), pp. 76–81.
18. Shevtsov, Iu. V. (2018), *Voina na Ukraine: Transformatsiia Evropy* [War in Ukraine: Transformation of Europe], RGGU, Moscow, Russia.
19. Lapkin, V. V. (2016), *Konfliktnost' strategii razvitiia v sovremennom mire: priroda, prichiny, posledstviia* [Strategy of conflict development in the modern world: nature, causes, consequences], *Prognozirovanie sotsial'no-politicheskikh protsessov i konfliktov v stranakh Zapada i v Rossii* [Prediction of Social and Political Processes and Conflicts in the West and in Russia], IMEMO RAN, Moscow, Russia.
20. Riabov, A. V. (2016), “Osnovnye politicheskie konflikty i tendentsii politicheskogo razvitiia na post-sovetskom prostranstve: sovremennoe sostoianie i perspektivy” [The main political conflicts and trends of political development in the post-Soviet space: the current state and prospects], *Prognozirovanie sotsial'no-politicheskikh protsessov i konfliktov v stranakh Zapada i v Rossii* [Prediction of Social and Political Processes and Conflicts in the West and in Russia], IMEMO RAN, Moscow, Russia.
21. Bezzubko, L. V. and Bezzubko, B. I. (2014), “Predposylki i posledstviia voennogo konflikta na Donbasse” [Prerequisites and consequences of the military conflict in Donbas], *Osnovy ekonomiki, upravleniia i prava*, no. 4 (16), pp. 9–13.
22. Forster, T. (2017), “International humanitarian law’s old questions and new Perspectives: On what law has got to do with armed conflict”, *International Review of the Red Cross*, vol. 98, iss. 903, pp. 995–1017.
23. Svarin, D. (2016), “The construction of «geopolitical spaces» in Russian foreign policy discourse before and after the Ukraine crisis”, *Journal of Eurasian Studies*, vol. 7, iss. 2, pp. 129–140.
24. Abramova, E. N., Anikin, V. I. and Surma, I. V. (2016), “Genezis ukrainskogo natsionalizma i ego vliianie na rossiisko-ukrainskie otnosheniia” [The Genesis of Ukrainian nationalism and its impact on Russian-Ukrainian relations], *Natsional'naia bezopasnost' / nota bene*, no. 6, pp. 699–710.

Received: June 13, 2018

Accepted: October 3, 2018

Author’s information:

Andrey G. Bolshakov — Dr. Sci. in Political Sciences, Associate Professor; bolshakov_andrei@mail.ru